

### Международная конференция по истории российской науки и техники «Интеллигенция: российская и советская наука на мировой арене, 1860–1960»

29–31 октября 2004 г. в г. Атенс (США, штат Джорджия) прошла конференция «Интеллигенция: российская и советская наука на мировой арене, 1860–1960»\*. Это была первая конференция по истории российской науки в США после десятилетнего перерыва, позволившая обсудить состояние дел в области, обменяться результатами текущей работы и наметить наиболее актуальные темы дальнейших исследований. Помимо российских и американских участников в числе 25 докладчиков были представители Европы, Китая и Бразилии.

Встречу открыл Л. Грэхэм, по чьим книгам училось большинство участников конференции, сразу определив своим пленарным докладом одну из доминантных тем последующих дискуссий: политические и институциональные отличия наук России и Запада. Грэхэм проанализировал исторические корни сложившегося в советское время разделения исследований и преподавания, во многом сохраняющегося и ныне. В то же время в Америке доминирующей тенденцией стал рост исследовательских университетов, сочетающих научные и учебные функции и, по мнению Грэхэма, создающих оптимальные условия для научной работы, стимулируя критическое переосмысление накопившегося знания и приток свежих идей в процессе общения профессоров и студентов.

Дж. Куперсмит подхватил эту тему в методологическом обзоре того, как существовавшая в истории российской техники традиция выдержала испытание притоком новых архивных документов и интерпретаций со времени перест-

ройки. Ранее многие конфликты интерпретировались как исходящие сверху, в то время как на самом деле они возникали снизу, слабо анализировалось медленное и недостаточное распространение новых технологий в СССР, а также уделялось слишком мало внимания взаимодействию науки и широкой публики. Куперсмит поднял «еретический вопрос» о вреде концентрации научных исследований в Академии наук и соответственно вертикальной жесткости, в отличие от горизонтальной мобильности, свойственной американской организации науки. По его мнению, развитие техники в СССР во многом продолжило и усугубило негативные тенденции, существовавшие в дореволюционной России, такие, как подготовка узкообразованных инженеров, существование резкой границы между академическими и прикладными исследованиями, а также слабая восприимчивость гражданской экономики к техническим инновациям.

Оба доклада вызвали оживленную полемику. В частности, было отмечено, что государственные научно-исследовательские лаборатории стали признанной формой организации военных и прикладных исследований также и в США, в то время как в СССР существовала практика совместительства работы академических ученых как преподавателей в МГУ и МФТИ. Вообще для объяснения различий в продуктивности, по-видимому, более важна система финансирования науки. В методологическом плане традиции мыслить в стиле глобальных контрастов можно найти замену в более гибком сравнительном

\* Конференция была организована оргкомитетом в составе А. Б. Кожевникова (Университет Джорджии и ИИЕТ РАН), М. Гордина (Пристонский университет) и К. Холла (Центрально-европейский университет в Будапеште) при поддержке Кеннановского института в Вашингтоне.

подходе, позволяющем анализировать различия, необязательно возводя их в ранг дихотомических противоположностей. Так, например, если вместо упрощенной абстракции «западная наука» обратить внимание на реальные системы организации науки в европейских странах, советский опыт предстанет не столько исключением, сколько составной частью единого спектра. При наличии разницы в акцентах он во многом отразил, а кое в чем предвосхитил общие тенденции развития науки XX в.

Исторические *case studies* отдельных институтов и дисциплин, доложенные на конференции, продемонстрировали, как в конкретных случаях общие тенденции и различия могут сочетаться друг с другом. Так, К. В. Иванов проанализировал политические особенности возникновения астрофизики – нового для XX в. научного направления. В российской астрономии, где традиционно доминировала астрометрия, внедрение новых астрофизических инструментов и методов вызвало сопротивление. Большевицкая революция временно уравнила в статусе различные научные группы, что позволило астрофизикам перехватить инициативу и создать собственную институциональную базу – Государственный астрофизический институт, позднее превратившийся в известный Астрономический институт им. Штернберга. В своем сравнительном анализе университетов в годы Первой мировой войны Т. Маурер отметила, что, хотя к началу XX в. университетская система в России во многом основывалась на немецкой модели, общественная роль образованного слоя в этих странах оказалась различной. В то время как в Германии студенты и часть профессоров оказались на фронте (часто рядовыми), в России профессора и студенты были освобождены от военной службы или направлены на офицерскую подготовку.

Современные исследования проблем национализма и национальной иденти-

фикации в науке также характеризуются отходом от упрощенных противопоставлений и традиционных категорий, которые более не считаются самоочевидными, к более сложным, исторически и контекстуально зависимым понятиям. О. А. Валькова представила исследование о языке научных публикаций второй половины XIX в. и борьбе между так называемыми «немецкой» и «русской» партиями в научном сообществе, которые более правильно было бы характеризовать не по этническому признаку, а по отстаиванию идеала соответственно «интернациональной» или «национально ориентированной» науки. Согласно анализу Э. Хейг при образовании Украинской академии наук столкнулись два понимания национальных интересов, отстаивавшихся историком М. С. Грушевским, бывшим главой Центральной Рады, и академиком Российской академии наук В. И. Вернадским. Э. Хехтен рассказала, как космополит И. И. Мечников, всю жизнь старавшийся подняться над национальными разногласиями ученых, после смерти стал объектом националистической пропаганды и противоречивых интерпретаций российских, французских и немецких бактериологов. Говоря о влиянии ученого-эмигранта С. Н. Виноградского, в 1920–1930-е гг. работавшего в Пастеровском институте во Франции, Л. Эккерт подчеркнул, что несмотря на свои антибольшевистские высказывания Виноградский получил в СССР официальное признание как «отец-основатель» современной микробиологии, опровергая тем самым устоявшиеся идеологические стереотипы.

Другие доклады осветили малоизвестные, иногда неожиданные аспекты международных контактов и влияния международной науки. Байчунь Джан описал самую масштабную в истории программу передачи технических знаний и технологий, в рамках которой в 1950-е гг. более 15 тыс. китайских ин-

женеров и ученых получили образование в СССР, более 10 тыс. советских специалистов работали в Китае и помогли сформулировать долговременную научно-техническую политику КНР, продолжавшую действовать и после сворачивания советской помощи в 1960-е гг. Э. Бишоп отметила, что, хотя женщины играли значительную роль в советской науке и технике, на Ближнем Востоке образ советской модернизации был исключительно маскулиным, поскольку техническими советниками в арабские страны направлялись практически только мужчины. О. Ю. Елина рассказала о разграблении и перемещении богатейших коллекций семян из советских сельскохозяйственных учреждений во время фашистской оккупации. Не попав в разряд культурных ценностей, эти коллекции так и не были возвращены в Россию после войны.

Пока еще совершенно малоизученной остается проблема научных знаний и отношения к науке в широких слоях общества и среди непрофессионалов. Доклад Дж. Брэдли был посвящен организации в Москве Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии Политехнического музея. Музей не только стимулировал публичное обсуждение науки, но также помог создать саму ученую публику, для удовлетворения запросов которой был задуман. Дж. Эндрюс рассказал о месте К. Э. Циолковского в советской массовой культуре 1920–1930-х гг. Отношения изобретателя с государственной идеологией напоминали симбиоз, где обе стороны использовали друг друга в собственных целях. А. Сиддики подверг критике миф о поддержке космических устремлений Циолковского большевистским режимом, обратив внимание на то, что основных своих сторонников идея космических полетов находила не в официальных научных или политических структурах, а среди любителей-не-

профессионалов. На примере действующей модели атомного реактора ВДНХ С. Шмид проанализировала, как международный имидж советской ядерной энергетики влиял на самосознание советской технической интеллигенции 1960-х гг.

Социальный и культурный анализы научного знания представляют еще одно активно развивающееся направление современной истории науки. К. О. Россиянов высказал новый взгляд на происхождение идей Мечникова об иммунитете. Первоначально под влиянием идей народников Мечников рассматривал природу как гармоничное целое, но после экспедиций в калмыцкие степи 1873–1874 гг. пришел к выводу, что человеческий организм, как и неоднородное общество, содержит примитивные элементы или народности, рудименты и атавизмы, к которым он, в частности, отнес иммунную систему. Д. Тодес сравнил «лабораторную жизнь» в школе И. П. Павлова до и после 1917 г., остановившись на роли сотрудников-коммунистов, преследовавших собственные научные и идеологические цели и привнесших определенные новшества в павловскую исследовательскую программу. А. Крылова ввела понятие «органического большевизма», доказывая, что мировоззрение большевиков, в отличие от классического марксизма, отразило влияние биологизированного взгляда на человеческую природу, характерного для естествознания начала XX в. Так, употребление большевиками термина «классовый инстинкт» придавало классовым различиям не только социальный, но и биологический смысл. Проанализировав историю дискуссии об основаниях квантовой механики, О. Фрейре-младший пришел к выводу, что критика копенгагенской интерпретации советскими и западными марксистами способствовала более глубокому осознанию и анализу проблемы. Провести резкую грань между наукой и идео-

логией в данной области, по его мнению, не представляется возможным.

В рамках антропологического подхода В. А. Герович рассмотрел, как советские инженеры пытались «сконструировать» космонавта как часть технологической системы корабля. На космонавтов были возложены противоречивые требования: они должны были, подобно машине, неукоснительно исполнять инструкции и в то же время проявлять человеческую смекалку и изобретательность, нарушая правила, если того требовала ситуация. По мнению Геровича, подобный «парадокс дисциплинированной инициативы» был характерен для советского подхода к общественной жизни в целом. Двусмысленность роли космонавтов также отразила противоречивость коммунистического идеала 1960-х гг., сочетавшего мечты о технологической утопии с установкой на «духовное богатство» советского человека. Аналогичную двусмысленность, согласно Б. Нейтансу, использовал математик и правозащитник А. С. Есенин-Вольпин, придумав способ борьбы с советской системой на основе буквального, в духе «точных наук», прочтения законов со-

ветского государства. Правозащитники-легалисты вступили в конфликт не только с политической системой, но и с основными инстинктами русской интеллигенции – презрением к юридическим формальностям и упованием на революцию как на основной способ достижения политических перемен.

Многообразие направлений и подходов, представленных на конференции, отразило расширенный состав исследовательского сообщества, включившего не только историков российской науки и техники в собственном смысле, но и представителей смежных исторических направлений. Возникшие контакты привели к осознанию новых интересных проблем и неожиданным поворотам анализа. Участники высказали пожелание более регулярных и тесных связей, в частности, между исследователями работающими в России и за рубежом. Помимо конференций таким контактам может послужить сайт «Виртуальный путеводитель по истории российской науки и техники» (<http://web.mit.edu/slava/guide>) и публикация в ВИЕТ трех докладов с прошедшей конференции.

*В. А. Герович, А. Б. Кожевников*

## **XI Годи́чная конференция ИИЕТ РАН**

С 19 по 21 апреля 2005 г. в Москве прошла XI Годи́чная конференция ИИЕТ РАН, которая по традиции подвела итоги работы института в минувшем году. Открывший конференцию заместитель директора ИИЕТ В. В. Глушков в своей краткой вступительной речи поприветствовал собравшихся от имени нового состава дирекции и ученого совета и познакомил их с основными научными достижениями института в 2004 г. Среди них, в частности, 30 научных монографий и 20 сборников научных статей, 10 кандидатских и 4 докторских успешных защит диссертаций, участие в про-

ведении 21 научной конференции (из которых 7 – международные) и многое другое. Завершил В. В. Глушков свое выступление пожеланием удачных докладов, интересных дискуссий и успехов в публикации своих научных результатов, в том числе и за рубежом.

Далее слово взял экс-директор института, советник РАН В. М. Орел. Отметив, что число 11 вызывает ассоциации с полным числом игроков в футбольной команде и победным счетом, он выразил мнение, что прошедшие 11 лет, в течение которых проводится конференция, стали истинно победными для кол-